

Поездка в город Кострому. (путевые заметки)

...Несколько лет назад я путешествовала по российским городам и весям со своей новой, недавно вышедшей в московском издательстве книгой, «На что душа моя оглянется...». Книга была поводом к разговору о судьбах моей страны и моих родичей, о их переплетении, чаще всего роковым. В то время мне казалось, что пришло время России перевести дух и посмотреть с облегчением на прошедшее. Потому и строка из стихотворения Михаила Кузмина подходила для названия книги, как нельзя лучше: — На что душа моя оглянется. Мы жили с моим мужем Юрием Всеволодовичем Вербицким, потомком первой русской эмиграции, во Франции под Парижем, но отправной точкой всех путешествий была моя Москва.

...Старинный стольный град Москва, — увы, всё больше смахивает на Манхеттен, всё подряд, без разбору сносится и потом наскоро застраивается частоколом высоток, застилающих небо. Некому её, бедную, пожалеть, и в отличие от хитрого Парижа, берегущего свою древнюю неповторимость, Москва теперь выглядит провинциалкой, нацепившей чужой, портящий её наряд. Но если вы решили её покинуть, чтобы увидеть другую Россию, которая не Москва, надо твёрдо и неуклонно двигаться через немислимые машинные потоки от центра города в сторону окраины. Постепенно всё будет выглядеть проще, бродячих собак на дороге станет больше, — и вот вы уже мчитесь, желательно с Божьей помощью, по Окружной дороге.

Но той осенней порой я отправилась в город Кострому поездом. Пять ночных часов подремала — и ранним утром была в Костроме. Второй раз в жизни, а первый, — страшно подумать, — сорок с лишним лет назад приезжала сюда, как журналист, в командировку.

Чудный, изящный русский город очаровывал сразу, — и тогда, и теперь. Он не изменился, за последние сто лет изменяться русским провинциальным городам пришлось очень незначительно и не в лучшую сторону. В Костроме терпеливо продолжали стоять неповторимые особнячки, каждый со своей архитектурной выдумкой: с разнообразием оконных проёмов, узорным литьём парадного крыльца и ограды, с закруглённой формой угловых зданий. И приезшему человеку была по-прежнему слышна здесь музыка улиц, бегущих в центр, к памятнику первому Романову, молодому царю Михаилу Фёдоровичу, который снесён в советское время и в постперестроечное не восстановлен, и к памятнику Ивану Сусанину, который, Слава Богу, сохранился. Бессмертный крестьянин стоит один, без Царя, за которого отдал жизнь, и смотрит с высоты на Волгу...

А город всё равно — царский. При Екатерине Великой, по её проекту, начинался, при следующих Романовых-царях строился, а теперь вот осиротел и почти целый век, ветшая и разваливаясь, бережёт свой неповторимый давний облик. Как, впрочем, и вся Россия, которая не Москва-Манхеттен. Всё лучшее в России, на что едут глядеть иностранные туристы, всё ведь из тех самых времён — «до 17-го года». И невозможно сказать, и не вообразить, какой красавицей была Россия сто лет назад. Это когда-то предсказывал русский писатель Иван Бунин: «...Наши дети, внуки, не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

Я думала, вспоминала, а город тянул меня, звал туда, где билось его старое многовековое сердце. Я послушалась и оказалась в Ипатьевом монастыре.

...Этот монастырь встал в незапамятные времена там, где обнялись-слились Волга с её притоком — рекой Костромой. Входишь в ворота — и душа замирает, когда ступаешь по неровной каменистости монастырского двора. Без малого четыреста лет назад пересекали этот же двор усталые гонцы, послы измученной смутным временем России. Шли с хоругвями и пением молитв, надеясь уговорить молодого Михаила Романова венчаться на российский Престол. И мать его, старица Марфа Ивановна, скорбя и сомневаясь, всё же подвела сына к древней иконе Божьей Матери Феодоровской, известной с XII века, и поручила будущего Государя, первого в истории Романова, Её Святому Попечительству. Случилось это 14 марта 1613 года здесь, в костромском Свято-Троицком мужском монастыре, и с этого времени Феодоровский Образ Божьей Матери стал особо чтимой святыней царственного дома Романовых. Царские невесты и невесты великих русских князей, если привозили их из чужих земель, пред этой иконой принимали веру Православную и величались впредь отчеством — Феодоровны. И триста лет Романовы — цари прибывали по весне в Ипатьев монастырь для молитв о благоденствии России. Многое случалось в России, но Благодать Божья сопутствовала её Государям, Помазанникам Божьим, а, следовательно, и всей России. Отступало, казалось бы, неминуемое зло, побеждался русским воинством враг, государство возрастало, богатело и, наконец, к 1913 году достигло полного благоденствия.

Привычная хрестоматийная быль в стенах монастыря вспоминалась спокойно. В музейном здании скучали смотрительницы, посетителей не было, да и экспонатов было немного. На стенах висели писанные

царями собственноручно отчёты о посещении места сего. Было интересно следить за меняющимся стилем и написанием букв. И вот – совсем почти близкое к нам время, - тонко прочерченная в конце листа подпись – НИКОЛАЙ. Последний царь России, последний Романов. Для меня эта тема, волею судьбы, стала почти семейной. Мой муж Юрий Всеволодович, сын Ахтырского гусара, является крестником Великой Княгини Ольги Александровны, родной сестры Царя-мученика. Всё, связанное с этой ужасной историей теперь хорошо известно. Но многочисленные книги, фильмы, сенсации и находки, как это ни грустно, но сдвинули Русскую трагедию в сторону детективного жанра. Способствовала этому и запредельная исключительность того, что произошло с Царём, его семьёй и теми немногими, кто захотел разделить их страшную участь. Нормальный человеческий разум защищается, отказывается верить в реальность ужасных событий.

В музее было тихо, присматривающие за порядком женщины были непроницаемо-спокойны, великое прошлое России укладывалось в безликое слово: — экспонаты...

Перед уходом из музея я решила посмотреть восьмиминутный фильм, он крутился в пустом крошечном кинозале без перерыва. Это был снятый на плёнку 19 мая 1913 года приезд в монастырь всей царской семьи во главе с Николаем II. Последний привет из той России, которая благоденствовала...

С точки зрения сегодняшнего дня съёмки были забавны: дёргались кадры, смешно и суетливо перемещались человеческие фигурки. Вот в ворота монастыря въезжает открытый автомобиль, выходит Царь-Государь, барышни-Княжны в широкополых шляпах, одетые в белые наряды, Государыня Александра Фёдоровна, прямая, величественная и тоже в белом. Наследника-Цесаревича Алексея выносит на руках плечистый матрос. Вся масса народа вокруг засуетилась, подтянулась, выстроилась по бокам, образуя проход. Мелькают кадры, у ворот Ипатьева монастыря Архиепископ Тихон встречает прибывших, на старой ленте беззвучно шевелятся его губы, произнося известное теперь приветствие: « На этом месте три века тому назад открылись дивные дела Божьего промысления о нашем дорогом Отечестве... Да будет благословенно и это Царственное пришествие к нам Ваших Императорских Величеств». Ликует толпа, офицеры отдают царю честь, а вот уже начинается парад воинских частей. Солдаты шагают мимо Государя, «едят» его глазами, а он – доволен и явно растроган, и никакого царского величия. Он растроган и даже смущён. Вот в церковном Соборе с фуражкой в руках подошёл к священнику под елеопомазание и тут же стал в сторону, пропуская следующих за ним, отирая рукой лицо и приветливо оглядывая собравшихся.

...Ещё четыре года они будут верны ему – его верноподданные, любезные ему россияне, все эти люди, которые сейчас сбиваются с ног, чтобы угодить своему Государю. Рядом с ним непросто, видно, что они испытывают неудобство от его простоты и скромности. Насколько было бы легче, будь Император величав и непреступен, без этих вот кротких и добрых глаз, глядящих каждому в душу и совесть. Ещё четыре года Россия будет верна своему Государю. 2 марта 1917 года Царя принудят покинуть Престол, и Россия навсегда лишится завещанного предками законного государственного устройства. А 17 июля 1918 года Православного Царя и его семью, — вот этих самых Княжон-девочек, мальчика-Царевича и Императрицу – Фёдоровну, — Россия выдаст на мучения и смерть.

Вот и прощание. Автомобиль с царственными особами тронулся, народ побежал следом. Лента без перерыва начала всё сначала. Хотелось остаться и ещё раз увидеть глаза Русского Царя, но в музее заканчивался рабочий день, мне пора было уходить.

...На обратном пути из монастыря я думала, что ещё могла родиться при Царе-Батюшке, Отце, данном России Богом. Но за двадцать с небольшим лет до моего рождения Царственно-великая голова России была отрублена, а тело её брошено воронью. И вот, словно не у себя дома, не в милом отечестве появилась я на свет, а в кровавом логове усатого вампира, где гибли тысячами невинные люди, где с детства привыкали жить среди предательства и лжи, в страхе перед несправедливой расправой. Никакое чужеземное иго, — ни шведы, ни татары, ни немцы не смогли бы так разрушить мою страну, как те, кто легко и без боя захватил её в 1917-м году. Было им нетрудно забрать наш дом и хозяйничать в нём на свой лад, ведь дом остался без Защитника. Без отца... Ну зачем мы убили такого замечательного Государя?! Исковеркали свою вековую историю, оторвались от неё, разорвали связь с предками и теперь шарим вокруг себя, ища точку опоры. То, что сейчас промелькнуло предо мной, тот кусочек жизни, сохранённый на старой ленте, мог быть моей судьбой. Я бы гордилась с детства цельным и великим прошлым России, её великодушием и благородством, явленными в вере Православной и вековом государственном устройстве – Русском самодержавии. Как солнце освещало оно народы Европы в трудные времена, и они поражались духовной силе русских людей, воинов-освободителей, стоящих насмерть «За веру, Царя и Отечество... Я гордилась бы так, как, на зависть нам гордятся поныне англичане своим королевским двором, своей королевой, выставя это напоказ, как достоинство нации.... В этом сила Англии, а наша слабость, — в том, что мы сотворили 17-го июля 1918 года, когда разрешили большевикам, чужеземцам и оккупантам, убить родного Царя. Не за тридцать серебряников, а за 50.000 золотых немецких марок продали они Германии нелюбимую ими страну. «Вечно живой наш Ильич» — Ленин и иже с ним приняли решения убить Царя вместе с семьёй, то есть – с пятерыми детьми и их матерью. (К слову, и сегодняшнии враги России идут тем же путём, продавая немилое им отечество западу.).

Не промыслительно ли, что всё произошедшее с Россией сто лет назад предсказывал, вот уже сто лет подряд ругаемый, мужик из сибирской деревни Покровское... Именно по словам Григория Распутина всё и получилось. Вначале убили его, топили, рубили, жгли. Потом таким же манером – царскую семью и малочисленных поданных, с женщинами и малыми детьми. Тоже рубили, топили и жгли... Но если искромсанные на куски дети явно невиновны, может и на мужика зря по сей день клеветем? И напрасно великая Россия по сей день жалуется, что, де, в 17-ом году её сгубил мужик, причём абсолютно один. И странное дело, — никто при этом не смеётся, не воспринимает этот бред, как шутку. Нет. Дело в другом, и это давно всем ясно и понятно: Святая основа русской жизни, выраженная в словах ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ заключалась именно в союзе Царя и мужика. За пределами России задолго готовили их общую гибель, поскольку в объединении Православного Царя и Православного же народа Россия непобедима.

«...Единая, безусловно, свободная и бесспорно Верховная власть есть великое благо русского народа, завещанное ему предками и добытое их трудом и кровью. ...С самодержавной властью русского Государя неразрывно соединено самое существование России. Незыблемая и свободная Верховная власть, какая Богом дарована Русскому Государю, всего вернее обеспечивает народное благо и всего лучше может способствовать ему. Зато всё, что есть в России русского, и здравомыслящего, и честного, — всё должно стоять на страже этого великого начала. Вот правильное отношение между царём и народом: царь – за весь народ, весь народ – за царя». (М.Н. Катков, газета «Московские ведомости», 16 июля 1881 года).

... Мысленно я выстраивала предстоящее вечером выступление в костромском университете. Народ будет культурно-подкованный, готовый возражать. Пожалуй, начну с моего посещения музея, с этой старой киноленты и моего внезапного осознания, что ничего нельзя исправить... А кто-нибудь из слушателей в ответ непременно скажет, что Царя-Николая и его семью канонизировали, они в сонме Святых, и нечего зря убиваться по этому поводу... Это теперь классический ответ, если разговор заходит о Николае II. Как будто не нам, не России, а ему, Государю, нужна была эта, мягко говоря, «натужная» канонизация! Дщери Иерусалимские, не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших...

Да и что Царю-Великомученику, — именно Великомучеником предстал он перед Господом, — что ему наши скудные славословия, если искорёжили мы Россию, которая одна была ему заботой и счастьем, если стоит его страна, оскудевшая людьми, скукоженная донельзя, лишённая границ, проложенных стараниями его отцов-дедов и армией русской. Если Богом ему вверенная держава нынче не могучий оплот всего христианского мира, а страна, то и дело грызущаяся с соседями, бывшими соотечественниками и братьями по вере. Всё это было невозможно в российской империи, которая медленно и неотступно вот уже сто лет теряет свои прежние очертания. Большие мощные деревья вообще ведь падают медленно, ломая ветви и круша всё, что попадает на их пути.

«...русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли...». (М.Н. Катков, газета «Московские ведомости», 12 апреля 1863 года).

И где теперь эта живая сила...

... Через неделю я возвратилась в Москву, в квартиру на Ленинском проспекте. Если ехать по этому проспекту, названного именем разрушителя России, к центру, то на пути – Донской монастырь. Донской монастырь я очень люблю, дочку когда-то туда гулять водила. Наглядные уроки подлинной русской истории получали мы там в те недалёкие времена, когда слово «белогвардеец» было ругательным. Бродили по кладбищу, прочитывали на мощных гранитах старинные, известные из русской литературы фамилии, и пребывали в ощущении сладостном: — всё же «была когда-то Россия». А ещё бродила тайная, крамольная мысль, что и твои предки к той исчезнувшей России причастны. Родовая моя фамилия внесена в словарь древнерусских личных собственных имён, собранный трудом Н. М. Тупикова, изданный в С.-Петербурге в 1903 году. Там указан год гибели дальнего моего родича, Белозерского князя Дмитрия Монастырёва, погибшего на поле Куликовом. Упомянуто имя его и в «Истории Государства Российского» написанной Карамзиным. И, стало быть, Донской монастырь, главная его икона Божьей Матери Донской, особенно близки сердцу — видел мой далёкий прадед именно этот Образ, когда вместе с ополчением Дмитрия Донского получал благословение Преподобного Сергия Радонежского, а когда пал в бою-то великий российский Молитвенник Преподобный Сергей и за него тоже помолился. Там, на поле Куликовом, рождалось Государство Российское...

Одним словом, есть причина часто бывать в Донском монастыре. Вся наша национальная гордость оставила в этом месте свои следы. А.С. Пушкин здесь хоронил бабушку и дядю Василия Львовича. Наши самые умные и прозорливые – тоже здесь: Чаадаев. Ключевский и вот недавно – Солженицын. Это ничего, что ни ум их, ни прозорливость нами пока не востребованы. Кто знает, может, когда-нибудь, и воспользуемся. Тот же Ключевский надеялся, что «достойные предки не могут до конца выродиться в негодных потомков».

Я шла по дорожке мимо тяжёлых гранитных надгробий. Осень украсила всё так, что разлитому здесь вечному покою завидовала самая цветущая жизнь. Кленовые листья жёлтым и красным покрыли всё пространство, а те, которые только готовились упасть, разнообразили яркую голубизну небесного купола. И

золотые купола восстановленных недавно храмов сливались с кроной высоченных, вечных клёнов.

Дорожка себе шла-продолжалась, шуршали под ногами листья, и вот три креста в ряд по правую руку. Это недавно, это новое начинание для России, соотечественники из дальних стран, прервав вечный покой там, продолжают его в родном отечестве. Всё-то о них теперь можно прочитать, и никакие они больше не белогвардейцы, а самые что ни на есть лучшие люди России, которых она лишилась после 17-го года, опять-таки — в результате падения монархии.

Воевали лежащие здесь Деникин и Каппель, как и все, начиная с 1914-го, когда вели они солдат побеждать или умирать «За веру, Царя и Отечество». А 2-го марта 1917, когда царю, плененному кучкой недругов, ни один из его генералов не решился прийти на помощь, попытались, как и все, воевать за родное отечество в новом его республиканском обличии: — «Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство...». То есть взяли да и изменили данной Царю и Отечеству присяге, ничтоже сумняшеся. Только вот армия их не поняла и разбежалась. Из самых, что ни на есть верных, создали они тогда Белую армию, и шла Белая армия бить армию Красную, но всё равно пела:

«Мы былого не желаем
Царь нам – не кумир...»

Но Бог победы им не дал. Лежащий нынче здесь же, на донском кладбище, рядом с Белыми военными начальниками, философ Ильин говаривал, что решения Царя «должны осмысливаться народом, как религиозные». То есть – Воля Божья сообщается народу Православному через Помазанника Его. Только так, и другого не дано. Оттого и говаривали старцы-монахи на Святой Руси: «Засмеётся Царь — засмеётся Россия, а заплачет Царь заплачет и Россия». Не просто заплакала, а зарыдала. И по сей день не унимает горячих слёз.

... Как сказал поэт, — новые песни придумала жизнь... Всё в прошлом. Лежат теперь русские люди, вернувшиеся с чужбины на родину в гробах, как истинно верноподданные. Слава Богу, упокоились в родной земле, соединившись с предками. И крест над ними извечно-русский, деревянный, крепкий. Мысленно именно таким крестом награждаю я моих упокоившихся в лихое столетие родичей. Я не знаю, где лежат, в какие рвы брошены те из них, кто был раскулачен и репрессирован в советское время. Знаю, что один лежит на Бутовском расстрельном полигоне в Москве под общим крестом, а по всей стране таких полигонов тысячи, и многие там ещё остаются безымянными и не опознанными. Сколько тысяч русских пленных были расстреляны в Германии в победном 1945-м году, сколько их отправилось в лагеря ГУЛАГа. Об их выдаче Сталин договорился с союзниками в Ялте и страшное преступление, о котором не хотят вспоминать, совершилось. За все ошибки советской власти в той ужасной войне ответили невиновные, оболганные и ныне забытые сыны России. Не было им пощады и милосердия даже в победную весну 45-го года. А вот царь Николай Второй когда-то выкупил всех пленных после войны с Японией и они вернулись к себе домой с честью. Ну, что можно поделаться с благородством и великодушием последнего русского Царя? Вот уж сто лет немыслимой ложью борется против него чуть ли весь мир, а он, последний удерживающий, всё поднимается над своей Россией, как солнце, которому невозможно запретить разгонять тьму.

Тихий голос прервал мои невесёлые мысли

— А подите, пожалуйста, сюда...

Чуть впереди, у такого же точно деревянного креста, стояла женщина. Я заметила её раньше, да и задержалась-то подольше возле трёх могил, чтобы ей не мешать: она стояла спиной ко мне, и видно было, что молится.

— Уж Вы простите меня, что беспокою.

Я подошла, поздоровалась.

— Чувствуете, запах какой неземной?

Облик её был странен, одежда не по погоде тёплая, голова покрыта тёмным платком, а лицо неожиданно ясное и счастливое, светлое... Могилка, возле которой она стояла, была вся в цветах. На кресте — небольшая дощечка: Архимандрит Даниил. И годы жизни. Выходило, что скончался Батюшка на 90-ом году жизни.

— Я сюда часто прихожу, помолюсь, побеседую с батюшкой, а он отвечает. Такое вдруг благоухание разольётся... Чувствуете?

От мягкой земли и вправду поднимался тёплый ласковый аромат. Женщина радостно закивала.

— Вот я Вас потому и отвлекла... Думаю, пусть и Вам Благодать, не одной мне...

— Вы отца Даниила знали? — спросила я.

— Так конечно знала. Я многих батюшек знаю. По всем городам езжу да хожу. Батюшка Даниил богоугодный старец был... К нему сюда много людей ходит. Жизнь долгую от Господа получил, всякие мучения прошёл. И гонения, и лагеря советские. И каторгу. И ссылку... Всё претерпел. Тут ему хорошо, место благодатное.

Она оглянулась назад:

— Там-то не родственник Ваш, случайно, лежит?

—Нет, — сказала я, — Генерал там похоронен... Царский.

Собеседница моя перекрестилась:

— Да мы все – царские.

— Как так? – не поняла я сразу.

— Так разве – нет? Разве Государь нас оставить может? Не-е-т, он-то за Россию самый главный ходатай перед Богом. Вы почаще молитесь Царственным мученикам, нам всем надо им молиться.

Мы простились и я пошла дальше.

А потом вдруг пожалела, что не рассказала ей про поездку в Кострому и про то, что перед отъездом пошла в Богоявленский собор, где находится теперь Образ Божьей Матери Феодоровской. Древняя икона, почитаемая в Костроме и по всей России, была расположена на особом, прекрасно обустроенном месте. Вокруг стояли цветы, сиял золотом новый оклад, но лик Божьей Матери и рука, держащая Младенца, были закрыты непроницаемой чернотой. Считается, что почернела икона 18 июля 1918 года, когда в Екатеринбурге была убита Царская семья: последний русский Царь Николай II Александрович, Царица Александра Феодоровна, Великие княжны, молодые девушки Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. И мальчик-Наследник, последний претендент на русский Престол - Цесаревич Алексей.

«...В грехе царубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший его унижение, арест, ссылку, оставив беззащитным в руках преступников... Глубокое сознание греховности содеянного требуется от нас Божьей правдой. Перед униженным, оклеветанным и умученным Царём должна склониться вся Русь. Величайшее преступление должно быть заглажено горячим почитанием последнего русского Царя и прославлением его Святого подвига.»

(Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский)

Москва — Кострома — Ste Genevieve des Bois.
2009 год, январь.